

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ УЧЕНИК ЦИРЮЛЬНИКА

1

Дьявол в Лондоне

Для Роба Джея то были последние мгновения детской беззаботности и благословенного душевного покоя, но в неведении своем он считал великим несчастьем, что его заставили сидеть дома с братьями и сестрой. Весна только-только начиналась, солнце стояло еще низко, посылая робкие теплые лучики под застреху соломенной крыши, и Роб, нежась в этих лучах, растянулся во весь рост у двери, на грубо отесанном каменном крыльце. По худо замощенной улице Плотников с трудом пробиралась какая-то женщина. Не грех было бы отремонтировать и дорогу, и большую часть ветхих дощатых домиков, где ютился работный люд: эти хижины на скорую руку сооружались умельцами, которые зарабатывали себе на хлеб возведением крепких хором для тех, кто поудачливее, побогаче.

Роб лушил ранний горох, целую корзину, стараясь в то же время приглядывать за малышами — в отсутствие мамы эта

обязанность лежала на нем. Вильям Стюарт, шести лет от роду, и Анна-Мария, которой было четыре, копались в грязи у торца дома и, заливаясь смехом, играли во что-то, понятное только им самим. Джонатан Картер, которому исполнилось полтора годика, лежал на овчине, пускал пузыри и гукал от удовольствия. А семилетний Сэмюэл Эдвард, который должен был помогать Робу, уже успел ускользнуть. Находчивому Сэмюэлу вечно удавалось незаметно исчезнуть вместо того, чтобы помогать старшим, и теперь Роб старался высмотреть беглеца. Подражая матери, Роб расщеплял нижний конец зеленых стручков и большим пальцем выцарапывал из их гладкого нутра горошины; он не прекратил работу и тогда, когда заметил, что шедшая по улице женщина направляется прямо к нему.

Мясистое лицо женщины было ярко размалевано, а туго затянутый корсаж так высоко поднимал ее грудь, что время от времени при ходьбе выглядывал нарумяненный сосок. Робу было всего девять лет, но лондонские дети отличали продажных женщин с первого взгляда.

— Ну вот, добралась. Это дом Натанаэля Коля?

Роб неприязненно разглядывал ее: уже не в первый раз блудницы приходили к их порогу и спрашивали отца.

— Кто это спрашивает? — грубо отозвался он, радуясь тому, что отца нет дома — он ушел искать работу, эта женщина его не застала, и еще радуясь, что мать ушла относить шитье, значит, не попадет в неловкое положение.

— В нем нуждается его жена. Это она меня послала сюда.

— *Нуждается?* Что ты хочешь этим сказать? — Проворные руки мальчика перестали лущить горох.

Блудница посмотрела на него недоброжелательно: в его тоне и обращении она почувствовала презрение.

— Она тебе мать?

Он молча кивнул.

— У нее начались тяжелые роды. Она в конюшнях Эгльстана, недалеко от пристани Пуддл-Док. Так что лучше разыщи отца да скажи ему. — И с тем женщина ушла прочь.

Мальчик растерянно огляделся.

— Сэмюэл! — громко позвал он, но противный Сэмюэл не спешил возвращаться. Робу пришлось оторвать от игры Вильяма и Анну-Марию.

— Пригляди за малышами, Виль, — велел он, вышел из дому и припустил бегом по улице.

Люди, достойные доверия, утверждали, что в лето от Рождества Христова 1021-е — тот самый год, когда Агнесса Коль начала в восьмой раз, — козни сатаны были особенно сильны. В тот год на многих людей обрушились несчастья, а в природе творились вещи удивительные и вселяющие страх. Прошлой осенью весь урожай на полях погубили жестокие морозы, даже реки покрылись льдом. Потом пошли дожди, каких еще не видали, а с оттепелью, наставшей как-то сразу, вверх по Темзе хлынула приливная волна, смывая и мосты, и дома. Ветренные зимние ночи озарялись огоньками падающих звезд, даже комету видели на небе. В феврале сама земля заметно содрогнулась. Молния отбила голову у распятия, и люди шептались, что Христос и все его святые уснули. Ходили слухи, что из одного источника целых три дня лилась кровь, а те, кто приходил издалека, рассказывали, что в дремучих лесах и иных потаенных местах появлялся сам дьявол.

Агнесса велела своему старшему сыну не больно прислушиваться к тому, что болтают люди. А потом с беспокойством добавила: ежели он увидит или услышит что-нибудь необычное, пусть обязательно осенит себя крестным знамением.

В том году люди возроптали на Бога, ибо гибель прошлогоднего урожая принесла им тяжкие лишения. Натанаэль вот уж больше четырех месяцев не приносил в дом ни гроша и жил только тем, что зарабатывала своим умением жена, искусная вышивальщица.

Давно, когда они только поженились, Агнесса и Натанаэль души друг в друге не чаяли, а в счастливом грядущем не сомне-

вались: муж рассчитывал разбогатеть на строительных подрядах. Но цех плотников не спешил посвящать работников в мастера. Старейшины, от которых это зависело, так придирчиво изучали каждый предложенный их вниманию соискателем набросок нового дома, как будто вся эта работа предназначалась для самого короля, не иначе. Шесть лет проходил Натанаэль в учениках плотника, вдвое дольше в подмастерьях. Вот теперь уже мог бы претендовать и на звание мастера-плотника, которое давало право брать подряды на строительные работы. Но для того, чтобы стать мастером, нужны немалые усилия и хороший заработок в добрые времена, а сейчас Натанаэль даже на попытку не отваживался.

Их жизнь по-прежнему вращалась в пределах цеха, но теперь и сама гильдия плотников города Лондона отвернулась от них — каждое утро Натанаэль являлся к цеховому старосте и слышал одно и то же: работы нет. Вместе с другими бедолагами он искал спасения в напитке, который между собой они звали пойлом: кто-нибудь из плотников приносил меду, другой — щепотку пряностей, а уж кувшин вина в цехе всегда можно было найти.

Жены других плотников рассказывали Агнессе, что частенько кто-нибудь из бражников приводил с улицы женщину и безработные мужья в пьяном угаре ложились с ней по очереди.

Несмотря на все неудачи, Агнесса не могла оттолкнуть Натанаэля: слишком она любила плотские утехи. Благодаря мужу она всегда ходила с животом, ибо не успевала родить одного ребенка, как муж тут же старательно наполнял ее утробу другим, а когда ей подходило время разрешиться от бремени, старался не показываться дома. Жизнь семьи протекала в точности так, как сурово предсказывал отец Агнессы, когда она, уже зачав Роба, вышла замуж за молодого плотника — тот некоторое время назад пришел в Уотфорд строить вместе со своими товарищами новый амбар соседу Агнессы. Отец порицал грамоту, которой обучилась Агнесса, — книги, говорил он, увлекают женщину ко греху любострастия.

У отца ее был небольшой надел земли, полученный от Этельреда Уэссекского¹ в благодарность за военную службу. Первым из семейства Кемпов он стал йоменом². Уолтер Кемп отправил дочь учиться грамоте в надежде выдать ее замуж за богатого землевладельца: хозяева больших поместий предпочитали иметь под рукой надежного человека, который умел читать и считать, отчего же не быть таким человеком хозяйской жене? То, что дочь выбрала человека низкого происхождения, да еще и распутничала с ним, огорчило и рассердило Уолтера. И ведь он, бедняга, даже не смог лишить ее наследства: после его смерти маленькое хозяйство забрали за недоимки в казну короля.

Честолюбивые мечты отца, однако, наложили отпечаток на всю жизнь Агнессы. Самой счастливой порой в ее памяти так и остались те пять детских лет, которые она провела в женском монастыре, обучаясь грамоте. Монахини носили алые башмаки, бело-фиолетовые рясы и невесомые, словно облако, покрывала. Они научили девочку читать и писать, понимать те немногие латинские слова, которые встречаются в катехизисе, кроить материю и шить так, чтобы швы оставались совершенно незаметными, а еще — изготавливать богато расшитые золотом украшения для риз. Последнее было таким тонким делом, что его ценили даже во Франции, где так и называли: «английская работа».

И та «дурость», которой научили Агнессу монахини, теперь давала пищу ее семье.

Сегодня утром она долго думала, идти ли относить заказчику шитье для риз. Она уже была на сносях, чувствовала, как ее разнесло, как трудно дается каждый шаг. Но кладовые в доме почти опустели, надо бы сходить на рынок Биллинггейт, купить муки белой и серой, а для этого ей необходимы деньги, которые обещал уплатить за вышивку купец, возивший товар

¹ Этельред II Неразумный (968—1016), англосаксонский король Англии в 978—1013 и в 1014—1016 гг., из Уэссекской династии. После его смерти Англией на протяжении 26 лет правили датчане.

² Йомены — в средневековой Англии: свободные земледельцы, имевшие привилегию служить в королевской армии и носить оружие.

во Францию. Жил он в Саутуорке, на другом берегу реки. И Агнесса, неся в руке узелок с работой, медленно побрела по улице Темзы в направлении Лондонского моста.

Улица Темзы, как всегда, была запружена вьючными животными и грузчиками, которые сновали с тюками между похожими на пещеры складами и лесом мачт у причалов. Она жадно впитывала шум города, как впитывает струи дождя иссохшая земля. Хотя им и жилось нелегко, Агнесса все же была признательна Натаналю за то, что он увез ее из сельского домика в Уотфорде.

Она так любила этот большой город, Лондон!

— Ах, сукин ты сын! А ну-ка возвращайся и верни мне деньги! Деньги мне назад неси! — вопила разъяренная женщина кому-то, кого Агнесса не видела.

А вокруг клубки смеха обвивались лентами слов на языках заморских земель. Проклятия звучали так, будто горячие благоговения.

Она прошла мимо одетых в отрепья рабов, втаскивавших железные чушки на борт готовившихся отплыть кораблей. Собаки злобно лаяли на этих несчастных, изнывавших под непосильной ношей; на бритых головах рабов сверкали бисеринки пота. Агнесса ощутила чесночный дух от их немых тел, вонь металла, а затем — куда более приятные ароматы, шедшие от тележки продавца пирогов с мясом. У Агнессы потекли слюнки, но в кармане у нее оставалась одна-единственная, последняя монетка, а дома ждали голодные ребятишки.

— Пирожки сладкие, как грех! — выкрикивал торговец. — С пылу, с жару!

От причалов шел крепкий дух разогревшейся на солнце сосновой смолы и просмоленных корабельных канатов. На ходу Агнесса почувствовала, как шевелится ребенок, плавающий в заключенном между ее бедер океане, и прижала руку к животу. На углу столпились матросы в украшенных цветами шапках — они залихватски пели, а трое музыкантов наигрывали мотив на дудке, барабане и арфе. Проходя мимо них, Агнесса обратила внимание на мужчину, облокотившегося на странного вида повоз-

ку, расписанную знаками зодиака. На вид ему можно было дать лет сорок. Волосы и борода были темно-русыми, но понемногу он начинал лысеть. Черты лица приятные — не будь он таким толстым, смотрелся бы краше Натанаэля. Лицо у него было багровое, а чрево далеко выдавалось вперед, не уступая животу беременной Агнессы. И все же его тучность не отталкивала, а напротив, обезоруживала и привлекала. Она как бы говорила всем, кто его видел: вот человек общительный и миролюбивый, любящий жизнь со всеми ее радостями. Голубые глаза его искрились в лад с улыбкой на устах.

— Красивая дама. Хочешь быть моей, куколка? — проговорил он. Агнесса, невольно вздрогнув, оглянулась в поисках той, к кому он обращался, но поблизости никого не оказалось.

— Ха! — Вообще-то Агнесса могла одним взглядом заморозить наглеца и довести его до дрожи, но она не лишена была чувства юмора и ценила его в других, а у этого мужчины юмор явно бил через край.

— Мы рождены друг для друга. Я готов умереть за тебя, благородная госпожа, — с жаром закричал он ей вслед.

— Нет нужды. Христос уже это сделал, сэр, — отвечала Агнесса.

Она вскинула голову, развернула плечи и удалилась, соблазнительно покачивая бедрами, неся впереди невероятно огромный живот, заключавший младенца, и расхохоталась вместе с незнакомцем.

Уже давным-давно никто не делал комплиментов ее женственности, даже в шутку, и этот нелепый обмен любезностями привел ее в хорошее расположение духа, пока она шла и шла по улице Темзы. Все еще улыбаясь, она подходила к пристани Пуддл-Док, когда ощутила начало схваток.

— Богородице, помилуй, — прошептала Агнесса.

Боль резанула ее снова. Начинаясь в животе, боль овладевала всем ее телом и разумом, даже ноги не держали. Не успела она опуститься на мостовую посреди улицы, как стали обильно отходить воды.

— На помощь! — закричала Агнесса. — Помогите, кто-нибудь!

Тут же собралась падкая до любых зрелищ толпа лондонцев, Агнессу тесно обступили их ноги. Затуманенными от боли глазами она увидела кружок глазевших на нее сверху лиц.

Агнесса громко застонала.

— Эй вы, негодяи, расступитесь, — прорычал какой-то ломовой извозчик. — Ей же дышать из-за вас нечем! И не мешайте людям честно зарабатывать свой кусок хлеба, унесите ее с улицы, чтобы телегам было где проезжать.

Ее внесли в темноту и прохладу, сильно пахнувшую навозом. Пока переносили, кто-то умыкнул ее узелок с готовым шитьем. В темной глубине помещения двигались и колебались чьи-то огромные фигуры. Громко стукнуло о доску копыто, слышалось залиvistое ржание.

— Ну, что это? Послушайте, нельзя же нести ее сюда, — раздался чей-то ворчливый голос. То был суетливый коротышка, пузатый, со щербатым ртом. Увидев его сапоги и шапку, какие обыкновенно носят конюхи, Агнесса узнала в нем Джеффа Эгльстана и поняла, что находится в одной из принадлежащих ему конюшен. Больше года назад Натанаэль подновлял здесь некоторые стойла, и Агнесса ухватилась за это воспоминание.

— Мастер¹ Эгльстан, — слабым голосом проговорила она, — я Агнесса Коль, жена хорошо известного вам плотника.

По лицу она догадалась, что он узнал ее, пусть и без всякой охоты, и с сожалением понял, что Агнессу отсюда выставить нельзя.

За спиной хозяина конюшен уже столпились люди, в глазах которых светилось любопытство.

— Прошу вас, — лоя ртом воздух, проговорила Агнесса, — не будет ли кто-нибудь так любезен позвать сюда моего мужа?

---

¹ Мастер — в средневековой Англии: обращение к состоятельным ремесленникам, купцам и незнатным дворянам.